

Четвертое приношение Светланову

ГАСО под управлением Марка Горенштейна открыл новый сезон

«...Прекрасной музыки так много, что и трех жизней не хватит, чтобы ее сыграть». Это слова Евгения Федоровича Светланова. Уже три года миновало с того дня, как не стало великого дирижера, талантливого пианиста, яркого композитора. И все эти годы концерты – открытия очередного музыкального сезона были посвящены памяти Мазстро и составлялись из характерно светлановских партитур. Второй фортепианный концерт Рахманинова и Вторая симфония Скрябина в 2002 году, Девятая Малера – в 2003-м, симфоническая поэма Светланова “Калина красная”, 4-й фортепианный концерт Бетховена с Николаем Петровым и Вторая симфония Рахманинова – в 2004-м. Программа нынешнего сезона – Рихард Штраус и Григ. Исполнители – ГАСО под управлением мастеровитого Марка Горенштейна, когда-то скрипача в оркестре Светланова, до сих пор почитающего себя его учеником, и Денис Мацуев.

Первое отделение – фортепиано с оркестром: одно редко исполняемое в России сочинение и один классический хит. “Бурлеска” (“шутка” в переводе с французского) была написана 22-летним Штраусом в 1886 году. По жанру – родственница барочного каприччио, встречается в партитах Баха. В XIX веке исчезла из композиторской практики, но в

XX снова появилась: у Бартока и Шостаковича. Впрочем, свое произведение Штраус называл фортепианным концертом: “Бурлеска” – опус масштабный. Хотя надо сказать, ничего шутиwego или ироничного в музыке нет. Сочинение яростное, вихревое – кипящий звуковой поток с вкрапляемыми время от времени островками лирических затиший. Особую роль в этой виртуозной пьесе играют ударные. Исполнитель на литаврах становится как бы антитезой, а пикантная дробь четырех литавр, встречающаяся на протяжении пьесы неоднократно, – ведущим лейтмотивом произведения. Прием, придуманный композитором, виртуозно воплощен оркестром и дирижером. “Бурлеску” и открывает мотив литавр, после чего стремительно врывается роуль. Большая часть фактуры предельно виртуозна; Ганс Булов, для которого это сочинение было написано, заявил, что фортепианная партия неисполнима: “Каждый такт требует изменения положения руки. Вы думаете, что я засяду на четыре недели, чтобы разучить эту чертовски трудную вещь?” Произведение действительно непростое, даже и по сегодняшним меркам. Однако для Мацуева этих трудностей словно бы не существует: он играет легко, иронично, темпераментно. Постоянно

меняет динамику, темпы, окраску звука, чередуя светлое, прозрачное звучание с эпизодами острыми, звонкими, резко акцентированными. Его роуль “оркестрален”: в некоторых местах звучит как аналог скрипок и виолончелей, но еще чаще тембрально напоминает аккордовые блоки или пассажи духовых – труб, кларнетов, флейт.

Вслед за “Бурлеской” – концерт Грига a-moll, одно из самых широко известных и часто исполняемых сочинений скандинавского гения. Григ – мастер колорита: “Мечта моей жизни – передать в звуках природу Севера”. В фортепианном концерте таких звуковых ландшафтов немало: живописные фиорды, суровые горные пики, таинственное мерцание северного сияния. Тональность мирная, а музыка жизнерадостная. Солист и оркестр играли, прекрасно ощущая или даже интуитивно предощущая друг друга, на общем биении сердца. Во всем свобода и точность – ни одного сбоя, “смазанного” пассажа или аккорда. Аглюдисменты потом звучали так долго, что Мацуев, чтобы приостановить их, сыграл миниатюрный бис – “Музыкальную табакерку” Анатолия Лядова. Тембр роуля мгновенно изменился: вместо распевого, мечтательного или возвышенно-торжественного, как только что в Григе, стал игрушечно-дет-

ским, похожим на серебряный перезвон чешелы или гульки шелканья маримбы.

Второе отделение – вновь Рихард Штраус, симфоническая поэма “Жизнь героя”. Светланов неоднократно исполнял ее, как и все остальные симфонические поэмы Штрауса 1890 – 1900 годов: “герой” – сам композитор, его враги – критики и пустые светские дамы, не умеющие слушать великую музыку... Произведение, любопытное с чисто музыкальной точки зрения: острая хроматика, необычные гармонии, постоянные переходы в побочные тональности, напоминающие стилистику композитора из совсем другой эпохи – Сергея Прокофьева. “Враги” (очень важный для Штрауса эпизод) даны в виде злой музыкальной карикатуры – фанфары труб, барабанная дробь, посвист флейт; арфа унизывает мелодическую ткань своими точками-“блестками”. Звучание оркестра плотно, многослойно. Отчетливо слышна каждая группа инструментов, каждая линия. Отлично прозвучали два соло – скрипки (Сергей Гиршенко) и валторны (Леонид Вознесенский). Вообще, оркестр звучал чисто по-штраусовски – сочно, полнозвучно, пестро, широко.

Аркадий ПЕТРОВ

Кучыгура - 2005-6-12 окт. - 09